

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Г. Д. СЕЛЯНИНОВА

ПЕРМСКИЕ ДИАЛОГИ Н. В. УСТРЯЛОВА И Д. В. БОЛДЫРЕВА 1918–1919 гг.

Статья посвящена идеям, которые развивали во время пребывания в Перми в 1918–1919 гг. Николай Васильевич Устрялов и Дмитрий Васильевич Болдырев. Преподавая в Пермском университете в это время, они преодолевали трудности эпохи военного коммунизма, высказывая свои позиции по поводу исторического пути России. Позднее они вместе работали в качестве директоров Русского Бюро Печати при Омском правительстве А. В. Колчака.

Ключевые слова: *большевизм, военный коммунизм, революция, этатизм, белое движение, национал-большевизм, сменовеховство.*

Вызывают интерес размышления двух российских интеллектуалов о судьбе России. Их воззрения «пермского периода» дают возможность познакомиться с двумя разновидностями этатизма. Один из них, Николай Васильевич Устрялов, высказывал идеи, которые впоследствии составили основу сменовеховства. Другой, Дмитрий Васильевич Болдырев, ратовал за создание теократического государства. Они вместе, будучи в Перми, переживали трудности эпохи военного коммунизма, а позднее работали в качестве директоров Русского Бюро Печати при Омском правительстве А.В. Колчака.

Путь, который проходит та или иная идея от момента своего возникновения до оформления в идеологию, обычно отследить не просто. В данном случае у нас есть возможность сделать это. Свои впечатления о «пермском периоде» Н.В. Устрялов отразил в дневнике¹, материалы которого дают редкую возможность прикоснуться к реалиям повседневной жизни интеллигенции города во второй половине 1918 г., ощутить как исторический, так и человеческий масштаб событий.

Вот как сам Н.В. Устрялов объяснял свой выбор Перми как места жизни и деятельности: «...говорили, что в Перми можно очень хорошо заниматься наукой. Меня там никто не знал, уехать можно было, нико-

¹ Так называемый «Пермский дневник» стал достоянием отечественной историографии благодаря публикации, осуществленной историком С.П. Рыбаковым, материалов Н.В. Устрялова из фондов Литературного архива Чешской республики: Устрялов. 2000. Ссылки на страницы даются далее в тексте статьи.

му ни в Москве, ни в Калуге об этом не сообщив, следовательно, опасность устранялась... Кроме того, утверждали, что в Перми продовольственного кризиса не наблюдалось, следовательно, радовала перспектива откормиться и забыть едовые заботы. Наконец, Пермь близка к фронту, – и это особенно привлекательно. Теперь надежда оказаться за роковым рубежом автоматически, без передрыг и неприятностей второго пути (через Нац. Центр)». В Перми он обратился на юридический факультет с ходатайством о принятии его в число приват-доцентов Пермского университета. Сохранилось письмо исполняющего обязанности декана юридического факультета ректору Пермского университета о постановлении совета зачислить Н.В. Устрялова с 19 сентября 1918 г. на юридический факультет приват-доцентом по кафедре государственного права². Таким образом, в сентябре – октябре 1918 г. он с головой погрузился в научную и преподавательскую деятельность, радуясь благоприятной возможности помногу заниматься. Ему было поручено чтение курсов государственного права – общая теория государства и государственное право иностранных держав (С. 179).

Безусловно, при сравнении с Московским университетом Пермский университет, находившийся лишь в начале своей истории, проигрывал: «Университет средний. Неважная внешняя обстановка, перестраивающееся здание, холодновато, неуютно, студентов мало, пособий тоже. На первых лекциях для второго и третьего курсов у меня было человек 20-30. Что же дальше будет?..» (С. 184-185). О бытовых условиях в университете Устрялов писал: «Нет даже профессорской комнаты, где бы можно было отдохнуть в перерыве. Аудитории не топлены, вчера совершенно замерз, пока читал. Слушатели сидят в шубах, но читать в шубе неудобно». (13 ноября. С. 187). Вот еще один отзыв об отношении большевистских властей к Пермскому университету: «...Грустное впечатление производит здешний университет. Со стороны властей – враждебность, или, в лучшем случае, полное равнодушие, со стороны студентов – тоже никакой радости, в среде самой профессуры – трения, вражда групп, особенно удручающая в нынешнее время. Как же не стремиться отсюда уехать?.. Только поневоле остаешься. Заниматься же нельзя из-за голода». (21 ноября. С. 191).

Главную трудность «пермского периода» жизни Н.В. Устрялова осенью 1918 г. составляла забота о сохранении жизни, выражавшаяся в упорной борьбе с голодом. Будни, наполненные в сентябре-октябре 1918 г. активной интеллектуальной деятельностью, становились все более тре-

² ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 375. Л. 1.

вожными с приближением зимы: «Пермь, 19 октября... Сейчас остро интересуется продовольственный вопрос. Плохо здесь сейчас в этом отношении, – значительно хуже, чем было в Москве. Там хоть все купить можно было. А тут – хоть шаром... Держусь студенческой столовкой. Очередь, талоны жестяные, шумно, тесно – старая, милая, знакомая картина... Но содержимое обеда наводит подчас на грустные размышления. По карточкам в студенческом кооперативе выдают и хлеб, только не каждый день, но за каждый день: по четверке, а то и по полфунту. Конечно, он целиком съедается в день получения (утерпеть немислимо), а на другой день – а то и на третий – приходится жить без хлеба...» (С. 182). Страницы дневника начиная с 19 октября посвящены, главным образом, размышлениям о путях поиска хлеба насущного, описаниям шести продовольственных экспедиций за город в деревню. Необходимость отдавать все силы на поиски продовольствия не оставляла уже возможностей для интеллектуальной деятельности: «Благодаря борьбе – все еще сравнительно успешной – с внешними невзгодами, наукою почти не занимаюсь» (С. 200).

Кроме продовольственного, остро стоял вопрос о приобретении тех или иных товаров: «Пермь, 4 ноября... В Перми жестокий коммунизм. Даже баночки чернил, даже тетрадки или стакана нельзя купить без разрешения «отдела снабжения». Цены, правда, дешевые, но на всякий пустяк приходится тратить время и силы...» (С. 184). В дневниковой записи от 13 ноября 1918 г. Н.В. Устрялов с грустью констатирует: «Занимаюсь меньше. Не столько вследствие совета доктора («не переутомляться»), сколько по недостатку времени, уходящего на всякие мелочи» (С. 187). Что это за «мелочи»³, сообщает запись от 14 ноября 1918 г.: «Вот необходимо достать электрическую лампочку – а где и как ее достать? Достал разрешение на покупку, но магазины соответствующие все закрыты. В отделе снабжения советуют справиться на электрической станции – сегодня нужно будет это сделать. На две комнаты осталась одна лампочка. Перегорит – и уже полный мрак. Вчера, – опять же, конечно, по разрешению от отдела снабжения, достал, наконец, тетрадей и фиолетовых чер-

³ Примечание: вот как была охарактеризована эта ситуация корреспондентом газеты «Свободная Пермь», издававшейся в 1919 г. в городе уже при колчаковцах: «Делопроизводство безчисленных канцелярий, отделов, подотделов, и прочих учреждений, где ничего не делали, но все же успевали отравлять обывателю жизнь, заставляя людей, имевших несчастье ощущать необходимость в каком-нибудь разрешении, справке или талоне на листок бумаги или стеклянн. блюдечко, приходиться в полнейшее отчаяние, безнадежно смотря на уплывавшие в достижении его скромной цели целые часы, дни и без преувеличения буквально, недели драгоценного времени». (Покровский. 1919. С. 3).

нил хорошего сорта... И так – все время. Да, «земная паутина». Это те «отрицательные условия возможности жизни», которых в обыкновенное время мы не чувствуем, о которых забываем, как и воздухе. А теперь в них – пафос жизни, средоточие забот, интересов...» (С. 187-188).

Поиск необходимых товаров требовал много усилий, но гораздо больше изматывали бессмысленные, ничем необъяснимые запреты. Так, запрещение включать электрическое освещение, вызывало вполне понятное неприятие: «Сижу с сегодняшнего дня при керосиновой лампе, хотя электричество фактически действует. Но исполком запретил частным абонентам им пользоваться, конечно, под угрозой ответственности «по всей строгости военных законов». Нелепо. Хорошо, хоть есть керосин: в университете дают помногу. А хозяин наш – практичный человек! – запас себе еще на всякий случай церковных свеч. Что-то внутри протестует против этого... А все-таки как трогательно: Церковь и тут, и в «экономике» даже – тверже, богаче обезбоженного государства» (С. 203).

В поисках дополнительного заработка Н.В. Устрялов читал курс по истории русской политической мысли в Мотовилихе, вероятно, в Народном университете, где сотрудничали многие преподаватели Пермского университета: «Начал сегодня курс в Мотовилихе по истории русской политической мысли. Слушателей человек 60 – все рабочие... В лекциях приходится быть осторожным. Слушают хорошо, да и курс интересный». (28 ноября. С. 196).

Кроме того, Николаем Васильевичем была предпринята попытка начать преподавание в гимназии для взрослых, но по неизвестным причинам утверждение преподавателем там не состоялось: «По общему правилу, мою кандидатуру представили в Чрезвычайную Комиссию, – может быть, там заминка?» (С. 197) Всевластие ЧК доказывали и другие факты. Так, помещения Пермского университета с 10 декабря потребовались для «батальона чрезвычайной комиссии»: «Пока занимают лишь третий этаж – как раз помещение нашего факультета. Аудитории уже очищены от парт... Понедоумевали вполголоса. Разошлись. Бедная наука! Бедная Пермь! Бедная Россия!» (С. 202). И вследствие отсутствия помещений занятия в дальнейшем были отменены (С. 204). Даже для того, чтобы пользоваться электричеством, требовалось специальное разрешение. Сохранилось удостоверение, подписанное ректором и секретарем правления: «Государственный Пермский университет настоящим удостоверяет, что предъявитель сего Николай Васильевич Устрялов (Екатерининская 11, кв. 1), состоящий преподавателем означенного университета, по роду своей службы нуждается в вечерних и ночных

занятиях, а посему в качестве ответственного советского работника, имеет право пользоваться электрическим освещением»⁴. Продовольственные экспедиции, «гнет мелочей» отнимали много сил, но невозможность свободного выражения мыслей подавляла: «Помимо внешних, материальных условий, – душно сознанию, духу» (С. 207).

Пермь для Н.В. Устрялова была временным пристанищем, этапом, но на пути к чему – было еще неясно: «Кто знает, - быть может, эта случайная пермская полоса окажется отрадным, плодотворным проблеском в жизни. Кто знает, - быть может, скоро снова жизнь властно позовет к себе, - и уже не до книг будет... А, быть может, еще что-нибудь... Теперь так все зыбко, шатко». (16 октября. С. 181).

В условиях усиливавшейся идеологизации общественной жизни небезопасным был и сам процесс преподавания. В записи от 30 ноября читаем: «Сегодня на лекции прошел маленький кви про кво. Читал об условиях возникновения декабризма. Коснулся военных поселений Аракчеева. И так велико было желание вернуть злободневную аналогию, что не мог удержаться, хотя, понимал, конечно, что это небезопасно... Приведа... цитату, я не удержался и сопроводил ее таким заключением: “Быть может, только в современном коммунистическом рае можно искать аналогии этим военным поселениям александровской эпохи!”» Как только я произнес эти слова, одна из слушательниц, миловидная блондинка... возмущенно покраснела, вскочила, как ужаленная, и вышла из аудитории... Впрочем, к концу лекции она снова вернулась... Разумеется, я был уже осторожнее» (С. 197-198). Понимание несовместимости своих взглядов с официальной позицией большевиков заставляла Н.В. Устрялова их скрывать: «Сидишь тише воды, ниже травы. И особенно неприятно, что это, казалось бы, все-таки временное, переходное положение грозит затянуться до бесконечности...» (13 ноября. С. 187). Любое подозрение в неблагонадежности могло стать основанием для применения революционного насилия. Так, в записи от 28 ноября сообщается об аресте ректора университета, проректора и декана одного из факультетов за хранение в университетской кассе крупных сумм, которые, «по мнению властей, следовало сдать на хранение в соответствующее государственное учреждение. Немедленно явилось подозрение, что деньги хранятся “на случай прихода белогвардейцев”. Остальное понятно. Помимо профессоров, арестован заведующий хозяйством..., о котором вспомнили, что он “царский полковник”» (С. 197). Аресты и расстрелы вызывали возмущение: «...здесьняя власть куда

⁴ ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 375. Л. 25.

свирепее нашей. Расстрелы постоянно, и в большинстве нелепые. Эта ужасная система заложников!» (С. 187).

Характеризуя большевистские порядки как «жестокий коммунизм», Н.В. Устрялов дает на страницах дневника очень точную и емкую характеристику тех условий жизни, при которых, несмотря ни на что, рождались новые идеи.

Экономические трудности в Перми вместе с Н.В. Устряловым преодолевал Дмитрий Васильевич Болдырев⁵. Будучи в Петрограде профессорским стипендиатом, и, представив в сентябре 1918 г. на историко-филологический факультет Пермского государственного университета две своих работы «Созерцание у Платона» и «Понятие психического», он прибыл в Пермь в сентябре 1918 г. «для соискания звания приват-доцента путем защиты... диссертации *provenia legendi* и получения звания приват-доцента по кафедре философии». В ноябре 1918 г. был зачислен приват-доцентом кафедры философии, получив поручение от историко-филологического факультета читать курс «Философское введение в психологию».

Заявление оставленного при Петроградском университете по кафедре философии, преподавателя Высших женских курсов Д.В. Болдырева было рассмотрено на историко-филологическом факультете Пермского университета 16 августа 1918 года, профессорам А.И. Сырцову и Б.В. Казанскому было поручено составить отзыв о научных трудах Болдырева. 16 ноября 1918 г. были произведены выборы, Болдырев оказался единогласно избранным на должность приват-доцента кафедры философии⁶. Он прибыл в Пермь из Петрограда осенью 1918 г. Читал курс психологии для студентов-юристов, а на историко-филологическом факультете читал два курса – «Философское введение в психологию» и «Душа и тело». Преподавательская деятельность в Пермском университете началась для Болдырева 26 ноября 1918 г. вступительной лекцией на

⁵ Дмитрий Васильевич Болдырев родился в 1885 г. в Петрограде. Окончив в 1903 г. первый кадетский корпус, поступил в 1905 г. в Петроградский университет на физико-математический факультет, а по завершении обучения по историко-филологическому факультету был оставлен при университете на кафедре философии. С этого же 1912 г. начал заниматься педагогической деятельностью, преподавая историю, русский язык и философские предметы в средних учебных заведениях г. Петрограда. С 1916 г. состоял преподавателем по кафедре философии на Петроградских Высших женских курсах. С 1917 г. стал штатным преподавателем истории Первого кадетского корпуса, поступив одновременно на службу в Книжную палату. Наряду с научно-педагогической занимался литературной деятельностью, состоя с 1915 г. сотрудником «Русской мысли» а с 1917 г. – «Русской свободы».

⁶ ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 13.

открытом заседании историко-филологического факультета в здании бывшего губернского земства. На лекции присутствовал практически весь профессорско-преподавательский состав факультета⁷. Кроме преподавательской и научной деятельности, Болдырев с 22 января 1919 г. занимал должность секретаря Совета университета⁸. 13 мая 1919 г. он после успешного баллотирования получил должность доцента кафедры философии Пермского университета⁹.

Если говорить о размерах определенного Пермским университетом оклада, то следует отметить, что он рассчитывался исходя из 600 руб. за годовой час и составлял 400 руб. в месяц¹⁰. Но материальные условия жизни семьи Болдырева в Перми оставляли желать лучшего, и после прихода в Пермь белых в правлении университета 5 февраля 1919 г. был рассмотрен его рапорт «о выдаче ссуды в размере пятисот рублей, из авансовых сумм для постепенного погашения из жалованья в виду тяжелого материального положения». Было постановлено «выдать 500 руб. в виде ссуды из специальных средств, с погашением таковой ежемесячно в 100 руб. из получаемого г. Болдыревым содержания»¹¹. Но эта ссуда не спасала, и он вновь и вновь обращается с просьбой о выдаче вспомоществования¹².

Пермь осенью 1918 г. стала местом напряженной интеллектуальной жизни многих выдающихся российских мыслителей. Вот как писал об оживленных дискуссиях той поры в своем дневнике Н.В. Устрялов: «По вторникам бываем у Болдыревых, толкуем о том и о сем, и о быте, и о бытии... Рассказываются мешочнические впечатления. Трактуются глубочайшие философские проблемы. В последний раз долго говорили о том, права ли инквизиция, сжигая еретиков, и вообще, нужно ли их сжигать. Болдырев утверждал, что права и нужно, а Фиолетов – что не

⁷ ГАПО. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 14, 34.

⁹ Там же. Л. 15, 16, 34.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Так, 22 февраля 1919 г. Д.В. Болдырев обращается к ректору Пермского университета с рапортом, в котором указывает: «В виду тяжелого материального положения имею честь просить г. Ректора П.Г.У. войти в Казенную Палату с ходатайством о выдаче мне тройного жалованья в зачет причитающегося мне как секретарю Совета годового оклада. При сем заявляю, что я прибыл в г. Пермь на место службы в августе 1918 года и, следовательно, находясь на месте службы менее одного года, не утратил права на получение третнего в зачет жалования. 22 февраля 1919 г. г. Пермь (ГАПО. Р-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 22). Д.В. Болдырев с семьей (женой и маленьким ребенком) проживал в то время по ул. Пермской 85 – кв. 2. (Там же. Л. 14).

права и не нужно. Болдырев увлекается неким французским исследованием о средневековом колдовстве и готов проводить ряд аналогий, имеющих злободневный интерес. Массовая одержимость, козни дьявола. Нужно выжечь заразу с корнем, – иначе она погубит мир. “Ерунда, что с духовным злом или психической одержимостью нельзя бороться внешней силой. Только нужно уметь бороться. Вот вам – история с альбигойцами: вырезали всех до одного и зло победили. Надо учиться у церкви...”. Фиолетова, как сторонника свободы веры и богослова, не свободного от некоторого налета протестантизма, такие решительные тезисы коробили» (С. 200). Оценочное замечание Устрялова по поводу данной дискуссии проясняет для нас его собственные позиции: «...Мне кажется, Болдырев во многом прав, но только формулирует свои мысли всегда так резко и парадоксально (хотя и блестяще), что с ним неизменно хочется спорить. Вместе с тем он слишком исключителен: жизнь пугаете, сложнее» (С. 200).

Общение с Д.В. Болдыревым, по всей видимости, оказало определенное влияние на кристаллизацию собственных позиций Н.В. Устрялова. В дневнике он называет его очень интересным и талантливым человеком, о котором говорили в Москве в связи со статьями в «Русской мысли» и двухнедельнике Струве: «С.А. Котляревский отзывался о нем как о выдающемся и оригинальнейшем мыслителе. И, действительно, у него чувствуется наличие цельного и весьма своеобразного мирозерцания. Какая-то мрачная религиозная система, – мрачная в ее философско-историческом аспекте. Его религиозность, очень актуальная и конкретная, совсем другого типа, чем наша московская, из религиозно-философского общества. Другая школа, другой стиль. Подобно Соловьеву, он считает, что мировая история по существу кончена, кончается. Человечество изжило себя. Везде сумерки, упадок, обмельчание, дыхание смерти. Утрачена всякая органичность, все стало худосочным, пресным. Тут, конечно, и отрицание современной “науки”, и весьма критическое отношение к нынешней культуре» (С. 188).

Анализируя воззрения отдельных интеллектуалов эпохи социальной катастрофы, можно отметить, что идеи Д.В. Болдырева звучали особенно самобытно, позиции отличались бескомпромиссностью, а стойкость в отстаивании своих взглядов привела его к трагическому финалу. Представления Болдырева об историческом процессе были пронизаны эсхатологическими ожиданиями, основанными на историкофилософских догматах. Н.В. Устрялов отмечал: «Тут любопытная черта этого мироощущения: взгляд на «прогресс» как на убывание жизни,

умирание. Впрочем, это можно найти еще у К. Леонтьева. Это, бесспорно, мрачно реакционное настроение» (С. 188-189). Поэтому восприятие большевизма как «симптома этого всеобщего разложения – стихии антихристовой» не было случайным: «И в Антихриста он верит вполне реально, живо. Когда сегодня подходили к вокзалу и показались гирлянды с пятиконечными звездами и портретами деятелей революции – недаром с какою-то глубокой убежденностью, хотя и внешне шуточно, сказал он, указывая на эти украшения октябрьской годовщины: “Смотрите, вот они, знаки Антихристовы...”». В философии он ученик Лосского и, по-видимому, доводит до крайних выводов интуитивизм: “все реально, все дано...”». (С. 189).

После 24 декабря 1918 г., когда Пермь перешла к белым, Д.В. Болдырев так же, как и Н.В. Устрялов, сотрудничал в газете «Свободная Пермь». Его взгляды, изложенные на ее страницах, демонстрируют непримиримую позицию противника большевизма, воспринимавшего происходившее как «кровавую трагедию русской жизни», определяемую тем, что «...прекращение борьбы для большевиков в настоящих условиях – равносильно прекращению жизни»¹³.

С иронией Болдырев рассматривал распространенный в то время взгляд на русскую историю: «“Триста лет... Россия изнемогала под игом Романовых”. И триста лет преподаватели истории будут повторять эту фразу. Чрезвычайно простая концепция: сперва татарское иго, потом романовское иго, потом большевистское иго. От ига к игу – таков путь русской истории. Учредительное собрание с патриотом Черновым – единственная светлая точка на этом пути, но и она исчезла...». Называя нескончаемый поток митинговых речей «парадом демократии», Болдырев отмечает: «Хорошие люди, но плохие музыканты. Великий кооператив вы, может быть, создадите, но вам не создать Великой России»¹⁴.

Основы собственного понимания путей выхода из трагедии российской истории Д.В. Болдырев изложил в публичной лекции «Школа Святой Софии», прочитанной в Обществе исторических, философских и социальных наук при Пермском университете 23 марта 1919 г. Данная лекция – первая из серии публичных лекций Общества – состоялась в большой аудитории юридического факультета в здании Кирилло-Мефодиевского училища. Присутствовавшие на лекции слушатели отметили «ее внешний успех и исключительно интеллигентный состав аудитории, с глубоким вниманием отнесшейся к блестяще развиваемым

¹³ Свободная Пермь. 1919. 9 февраля.

¹⁴ Свободная Пермь. 1919. 21 марта.

лектором основным проблемам школы будущего, едва ли не впервые ставящимся в таком аспекте»¹⁵.

Д.В. Болдырев рассмотрел в своем выступлении, позднее опубликованном в газете «Свободная Пермь», идеологию русской интеллигенции и ее отношение к школе. Он изложил свою позитивную программу, которая выражалась в создании религиозно-национальной русской школы – «Школы Святой Софии Премудрости Божией». Слушатели отмечали: «Являясь первою в ряду лекций, посвященных прошлому и будущему русской культуры, лекция проф. Болдырева естественно касается самого большого и центрального вопроса этой культуры – вопроса о школе, как воспитании духа, о формировании и культивировании внутреннего духовного мира ребенка в отношении его к окружению внешнего мира. В ярких, порою утрированно резких чертах, набросав сущность современной “образцовой” школы и вскрыв ее внутреннее убожество и щемящую духовную пустоту, лектор рисует идеал Школы Будущего»¹⁶.

В своей лекции Д.В. Болдырев по-своему ставил сакральные вопросы русской истории – «Кто виноват?» и «Что делать?». Ответ на первый вопрос был следующим: «Русская интеллигенция, говоря ее языком, только что “переживает крушение всех своих идеалов”... “Идеализм” – таково имя этого круга, в котором столько лет мучаются души русских интеллигентов. Кто подготовил им этот печальный удел? На это можно ответить одним словом: школа». По мнению Болдырева, «современная школа убивает в нас чувство оседлости, очага и превращает в каких-то кочевников по пустыням времени и пространства... менее всего наша школа способна творить цельных людей»¹⁷.

Ценности демократического порядка для Д.В. Болдырева весьма сомнительны: «Русский ум... верит во “всеобщее избирательное право”, в “республику”, в “равноправие”, в “народ”, в “социализм”, в “международный пролетариат”, в “интернационал”, в “Циммервальд” и в прочие суеверия»¹⁸.

Мучительный вопрос о дальнейших путях развития российского общества не давал покоя: «Что делать дальше? Неужели устремиться на поиски новых «идеалов», еще более «светлых», чем старые? ...Прокачавшись до тошноты по зыбям всевозможных фикций, наша интеллигенция как будто начинает испытывать хорошо известную мо-

¹⁵ Свободная Пермь. 1919. 25 марта.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Свободная Пермь. 1919. 29 марта.

¹⁸ Болдырев. 2001. С. 219.

реплатателям тоску по твердой земле. Пространствовал столько лет по пустыням идеализма среди миражей социализма, она начинает нащупывать твердую почву – нации, государства, Отечества... Для исцеления от идеализма нашей интеллигенции хорошо бы проникнуться духом Фомы Неверного: неверием в идеал и доверием к плоти реального»¹⁹.

Для себя лично Болдыревым ответ был найден совершенно определенный: «... в то время как церковь разрушена, судебные установления сметены, Учредительное собрание разогнано, Церковь стоит; мало того – подобно раковине, створки которой хотят насильно раскрыть, обнаруживает изумительную силу сцепления своей плоти и чисто организационную способность восстанавливать разрушенные ткани...». Несокрушима убежденность философа в том, что «вне церкви у нас не было и не может быть никакой жизни, никакой культуры, вся наша история была, в сущности, историей Церкви»²⁰. Он утверждал, что «если мы хотим быть поэтами, философами, государственными людьми, историками, естествоведами, – мы должны, прежде всего, стать церковными, ибо церковное сознание есть цельное сознание»²¹.

Главную идею Д.В. Болдырева можно определить как программу создания теократического государства²². Поэтому вполне объяснимо отношение к многопартийной политической системе России как к фетишизму: «Правые эсеры, левые эсеры, группа Маркова, группа Чернова, группа Плеханова, «трудовики», народные социалисты, оборонцы и пораженцы – вся эта ртутная суэта разбегается мурашами по всем направлениям, двоятся, троится, снова сливается и снова дробится. Какая-то Аравия до ислама»²³. Но есть выход: «Церковь тем и отличается от всех других учреждений, что удовлетворяет всей душе человека... Поэтому нет благодарней задачи для воспитания, чем жизнь детей слить с жизнью Церкви... приобщая к Церкви, школа Святой Софии тем самым закладывает начало всякого знания и всякого действия»²⁴.

Размышления Д.В. Болдырева и Н.В. Устрялова о будущем России оформились в конечном счете в две разновидности этатизма. Причем, Болдырев был жестким сторонником идеи создания теократического государства, стержнем которого должна была стать церковь. Этатизм

¹⁹ Болдырев. 2001. С. 212.

²⁰ Болдырев. 2001. С. 225.

²¹ Болдырев. 2001. С. 240.

²² Эту идею позднее Д.В. Болдырев попытался воплотить в жизнь, создавая боевые дружины «крестоносцев» в Омске.

²³ Болдырев. 2001. С. 225-226.

²⁴ Болдырев. 2001. С. 229, 235, 240.

Устрялова тогда не был еще столь бескомпромиссным, но развивался параллельно в направлении так называемого «национал-большевизма».

Хотя позиции Н.В. Устрялова в «пермский период» его жизни еще не выкристаллизовались, размышления о судьбе России были постоянными: «А “в миру” творятся опять великие события, гремит труба исторического Духа... И, Боже, как грустно, так тяжело за Россию... Рок... Страна надрыва и страданий, страна хаоса и вечных предвестий, обетований... И в эти минуты еще более обостряется любовь к ней, к ее истории, к ее падению, ее бреду...» (С. 180). Практически каждый день в дневниковых записях излагались подобные мысли. Помимо ощущения трагичности происходивших событий, Устрялов подчеркивал их грандиозность: «Слушаешь бурю, сливаешься с ней, забываешь в ней себя. Разыгрывается патетическое место исторической драмы. Величественно. Что-то новое идет, мир уже не может быть прежним. В оркестре уже появляются мотивы рассвета – еще расплывчатые, но уже несомненные. Каков будет день – солнечный, серенький ли, - неизвестно, но он наступит. Кто-то из нас его дождется?» (8 октября 1918 г. С. 180)²⁵. Следует отметить, что и восприятие вождя большевиков Устряловым не отличалось категоричностью, а было проникнуто стремлением дать объективную оценку его деятельности: «...О Ленине, пожалуй, можно сказать словами Пушкина, что это один из тех,

*Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и умиленье...*

(Пушкин А.С. Полководец (1835)) (10 октября 1918 г. С. 180).

В оценке рядовых большевистских активистов Устрялов демонстрирует широту восприятия событий и, отталкиваясь от эмоционального личного взгляда, поднимается до исторических аналогий и обобщений: «Есть тут... еще одна столовая... Там пирует все больше привилегированная публика: солдаты, коммунисты... Вспомнились невольно парижские музеи революции. “Тип якобинца” отошел в историю, ярко выявленный, отлившийся в чеканные формы. Так и здесь. “Тип большевика”, несомненно, столь же отлился уже. Что-то общее есть в них всех. Выражение лиц, стиль одежды, манера держаться... Жуткий, страшный тип. Но все же чувствуется своеобразная сила, главное, воля. Смесь тупости и злобы с “пылающей кровью”... Потом, наверно, тоже будут показывать в музеях восковыми фигурами...» (19 октября 1918 г. С. 183).

²⁵ Устрялов. 2000. С. 180.

На страницах дневника выражена еще одна грань картины мира Н.В. Устрялова, которую можно обозначить как провиденциализм: «Бедная Россия. Всегда словно перст Божий... Страна погибших светил, измученных душ, кладбище великих возможностей... Но в этом и очарование ее... Значит, так надо.

*Преклоняемся, смиряемся,
О, богиня, пред тобой,
И, как дети, поучаемся
Чтить закон любви святой...*

Любви к судьбе, к Провидению. Без воли Божией ни один волос не падет с нашей головы...» (15 октября. С. 181).

Постоянно размышляя о судьбах России, Устрялов не высказывал полной уверенности в своей правоте, на страницы дневника он выплескивал свои сомнения в правильности прежней позиции, но и сомнениям этим тоже не было полного доверия: «Новые люди, новые песни. “Новый период”, а мы – люди старой культуры... Может быть, мы ошибались, это, в сущности, уже неважно. Приспосабливаться к “новому” уже не в наших силах. Нет, в самом деле, если Революция окончательно победит мир, моя, например, жизнь съжится, поблекнет, померкнет неизбежно, неотвратно. “Перспективы” жизненно дорогие, любимые исчезнут, ибо их корни – вполне и всецело в том мире, уходящем, отмирающем. Впрочем, еще умрет ли он? Еще идет страшная борьба, и неизвестен ее исход... Недоценивали Революцию. Недоценивали наших большевиков. Теперь уже ясен масштаб событий... Новый мир, новый лик, новая культура. Пусть... Мир клокочет, бурлит, титаны творят борьбу... Тут глубочайшая проблема перед нами, всемирная история стоит у перепутья...» (18 ноября 1918 г. С. 190).

Первые зерна сомнений, оформившиеся позднее в идеологии национал-большевизма, вероятно, были посеяны еще в «пермский период»: «Несмотря ни на что, великие дни... И русская революция, несмотря ни на что, великая... Большая величавость в ней, большая внутренняя мощь. И, право, не знаешь, – можно ли предпочесть ей силы, ныне на нее ополчающиеся, – все эти “правительства”, “Авксентьевых” и т.д. В большевизме больше размаха, больше подлинного исторического пафоса» (23 сентября. С. 179).

Напряженное ожидание прихода белогвардейцев усугублялось полученным в середине декабря приказом о полной эвакуации Пермского университета в Москву: «Это значит, что попытка послушаться, остаться есть риск жизнью. Много ли шансов удачи?» (С. 204). Общее настрое-

ние «пермского периода» сам Устрялов оценивал как «перепутье». Незадолго до взятия Перми белыми он писал: «...Несомненно, многое во всей жизни будет зависеть от решения вопроса этих дней. Весь курс ближайших лет, – быть может, вся линия жизни... Судьба бросает из стороны в сторону, играет как мячом...» (15 декабря. С. 205).

Большевистская Пермь вызывала неприятие Устрялова как своими политическими порядками, так и складывавшимися на их основе бытовыми условиями жизни. Но именно здесь зародились те настроения, что позднее привели к оформлению идей национал-большевизма. К сменевховству Устрялов пришел не сразу. Он был страшно рад освобождению Перми белыми войсками²⁶. 24 декабря 1918 г. он записал в своем дневнике: «Ура! Ура! Ура! Сейчас выходил на улицу. На углу Чердынской и нашей часовой стоит, около него кучка людей. Белый!! Солдат – сибиряк енисейского полка... Слава Богу. На душе стало радостно. Освобождение. Готов был на шею броситься этому сибирскому парню» (С. 209).

Размышления, родившиеся в Перми еще при большевиках, при белых сложились в более четко сформулированную позицию. В статье «Уроки революции», опубликованной в Перми, Н.В. Устрялов писал: «Никогда не следует забывать, что война гражданская есть, прежде всего, борьба идеологий, состязание политических программ. И побеждает в ней тот, чья программа ближе национальному самосознанию на данной ступени его развития. Необходимо раз навсегда определенно признать, что некоторые политические и социальные результаты революции подлежат учету и положительному усвоению. Сдвиг произошел, – и великая задача возрождающейся России закрепить его основные устремления. И возвращение страны к нормальному развитию возможно не через игнорирование революционных уроков, не через «контрреволюцию» в широком смысле этого слова, – а лишь через осознание внутренних мотивов революции в их подлинной законности и необходимости»²⁷.

Признавая необратимость произошедших в России перемен, мыслитель отмечал: «И слеп тот, кто, игнорируя происшедший сдвиг, надеясь сделать бывшее небывшим, мечтал бы вернуть страну на путь старого

²⁶ Приход белых был для жителей Перми неожиданным из-за большевистской дезинформации. Незадолго до бегства красных из Перми, в официальной газете был опубликован «приказ», посвященный одному из отрядов «красных орлов», который, будучи окружен «белыми», не только не сдался, но почти уничтожил целый полк. В этом приказе подробно перечислялось количество пленных, взятые орудия, пулеметы и т.д. На самом деле, этот Б-ский полк был один из первых, вошедших в Пермь, понеся очень незначительные потери. (Отечественные ведомости. 1919. 12 января).

²⁷ Современная Пермь. 1919. 9 мая.

порядка. При настоящих условиях вряд ли что может быть хуже и вреднее такого “большевизма справа”, ничего не забывающего и ничему не научающегося. И, слава Богу, что он бессилён в нашей политической жизни». И, как лозунг, провозглашалось: «Воскресающая русская государственность не должна покоиться на принципе реставрации»²⁸. Именно эта идея впоследствии составила основу идеологии сменовеховства.

Уже после краха колчаковского режима, когда рассеялись последние надежды, Устрялов совершил радикальный пересмотр своих позиций, видя в большевиках последовательных государственников. Истоки этого переворота в мировоззрении мы находим в его размышлениях 1918–1919 гг. Возникновение сменовеховства традиционно связывалось с процессами послереволюционной эмиграции и депортации интеллигенции, объявлением НЭПа. Однако же скрупулезный анализ документов, и прежде всего материалов личного происхождения, доказывает, что данная идеология формировалась еще в период гражданской войны.

Не случайным в биографии Д.В. Болдырева было состоявшееся 6 мая 1919 г. назначение представителем университета в учрежденную в Пермском уезде комиссию, имевшую целью «широкое распространение агитационной противобольшевистской литературы, а также в губернскую агитационную противобольшевистскую комиссию»²⁹. Вскоре, следуя планам деятельности этих комиссий, Болдырев подал рапорт об отъезде 20 мая 1919 г. в г. Омск на каникулярное время для работы по изданию противобольшевистской литературы в Русском обществе печатного дела³⁰. В Омске он стал одним из директоров Русского бюро печати вместе с Н.В. Устряловым и А. Клафтоном. Еще велики были в тот момент надежды на реализацию «белой альтернативы» развития России. Очевидно, что их наиболее ярко выразил Д.В. Болдырев, один из наиболее последовательных идеологов Белого движения. Его идеи воплотились в создании боевых дружин Святого Креста, действовавших в армии Колчака в 1919 г. под его личным руководством. В Сибири добровольческие дружины Святого Креста составляли вместе с дружинами Зеленого знамени, формировавшимися из антисоветски настроенных мусульман, до шести тысяч бойцов: «Их разбрасывали по разным тыловым службам, в охрану, например, в конвой Колчака. На фронте их вливали в другие части, где над их обрядами, верой подтрунивали все, даже офицеры»³¹.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАПО. Р.-180. Оп. 2. Д. 40. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 39.

³¹ Иванов. 1994. С. 24-25.

Во время бегства белых из Омска до конца оставался там «один Болдырев со своими крестоносцами. Лишь 13 ноября выехал он верхом вместе с генералом Тарейкиным. «Значит, оборонять Омск уже некому!..»³² – отмечали его сподвижники.

Вплоть до ареста А.В. Колчака большевиками Д.В. Болдырев был рядом с ним. Жизнь его оборвалась 12 мая 1920 г., он скончался в тюремном госпитале Иркутска от сыпного тифа.

Знакомство с мировоззренческими позициями Н.В. Устрялова и Д.В. Болдырева дает возможность расширить наши представления о спектре политических взглядов мыслителей эпохи революции и Гражданской войны, о сложности формирования и процессе кристаллизации их воззрений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. 392 с.

Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12.

Покровский В. Гнет мелочей // Свободная Пермь. 1919. 5 января.

Устрялов Н.В. Былое – Революция 1917 г. (1890-е гг.-1919). Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.

Селянинова Гульсина Дагирьяновна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарного педагогического университета; *gsina@mail.ru*

³² *Иванов.* 1994. С. 25.